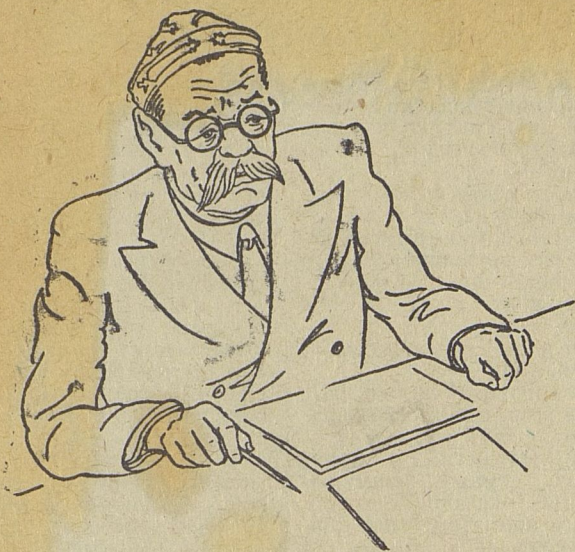


ВСТРЕЧА С А. М. ГОРЬКИМ



Пьеса «Егор Булычев и другие» была закончена А. М. Горьким в Италии. Вернувшись в Советский Союз, писатель передал ее для постановки в Театр им. Вахтангова. Летом 1932 года в доме на Малой Никитской, где поселился Алексей Максимович, была назначена читка пьесы для ведущих артистов театра.

Мне позвонили из редакции газеты «Советское искусство» и предложили сделать зарисовки А. М. Горького во время чтения пьесы. Конечно, я с радостью согласился и в назначенный срок был на месте.

В дверях меня встретил сын Горького.

— Максим Алексеевич, — отрекомендовался он и проводил меня в рабочий кабинет Алексея Максимовича. Там было уже трое — четверо вахтанговцев. Мое внимание сразу привлекла стенка, целиком заполненная изданиями Горького, выпущенными главным образом за границей. Поразила нарядность изданий, обернутых в знаменитый нам еще тогда блестящий целлофан.

Чуть скрипнула дверь, слегка приоткрылась, и в узкой щели можно было разглядеть чей-то глаз и рыжий ус. Человек за дверью, увидя, что в кабинете уже несколько приглашенных лиц, не решился сразу войти. Дверь закрылась, а через минуту снова слегка открылась. Мы поняли, что Алексею Максимовичу (а это был, конечно, он) что-то нужно было в его рабочей комнате. Постояв в нерешительности некоторое время за дверью, Горький, наконец, раскрыл ее и вошел в комнату. Мы все встали, приветствуя писателя.

Высокий, худощавый, в свободной голубой рубашке, в серых брюках, с узбекской тибеткой на голове, из-под которой видны были корот-

кие рыжеватые волосы, подстриженные ежиком, — таким мы увидели его. Горький был чем-то озабочен. В ответ на приветствия он баском буркнул: «Здравствуйте, товарищи» и быстро подошел к маленькому письменному столу, открыл ящик и начал рыться в нем. Чувствуя, что присутствующие (а собралось уже больше десяти человек) внимательно наблюдают за ним, Горький испытывал неловкость. Наконец, какая-то бумага была найдена, Алексей Максимович улыбнулся и быстро вышел.

Когда все собрались, нас пригласили в просторную столовую, где были установлены П-образно столы. Место для Горького было отведено в центре. На столах в тонких стаканах был разлит ароматный чай. В вазах — пирожки.

Я сел метрах в двух от Горького и, присмотревшись, стал делать наброски. Рядом со мной сидел артист Гюрюнов, все время наблюдавший за моим карандашом.

Читал Горький просто, не пытаясь как-то приукрасить свое чтение. Так как сюжетных коллизий в пьесе немного и строилась она на размышлениях, все время имея второй план, в монотонном авторском чтении она очень проигрывала. Обмениваясь мнениями в перерыве, артисты в своем большинстве были явно разочарованы. Честно признаюсь, и я был в числе тех, кто при первом знакомстве с пьесой недооценил ее философских и художественных достоинств. Впрочем, сам я, по правде сказать, больше наблюдал за тем, как все происходило, чем слушал.

Сзади Горького все время находился доктор. Алексей Максимович курил итальянские сигареты. После второй — третьей затяжки доктор

ловко подхватывал сигарету и выбрасывал ее. А Горький совершенно спокойно брал следующую, делал несколько затяжек, и сигарета снова тотчас исчезала в руках доктора. И так продолжалось в течение всего чтения. Через определенные промежутки времени доктор подсовывал рюмку с какими-то каплями, Алексей Максимович безропотно и машинально выпивал их.

В перерыве появился фотограф. Группа вахтанговцев сфотографировалась вместе с Горьким на зеленой траве сада, что был при доме.

Окончив чтение, Горький скромно умолк. Воцарилось тягостное молчание, которое разрядил своим высказыванием будущий постановщик спектакля Б. Е. Захава. Но особенное впечатление произвело выступление артиста театра и известного поэта Павла Антокольского. Он живо и образно раскрыл философский замысел, заложенный в пьесе, разобрал второй план, обнаружив подспудные мысли самого автора. Горький оживился, в глазах появился радостный блеск, он повторял: «Не знаю, не знаю, может быть», явно радуясь прозорливости П. Антокольского.

Покрывало официальности спало, заговорили свободно. Очень интересно говорил сам Алексей Максимович обо всех персонажах, об их характерах, о дальнейшем развитии того или иного действующего лица. С особым теплом говорил писатель о Шуре Булычевой, обещая отвести ей большое место в следующей пьесе («Достигав и другие»). Впрочем, этого не случилось.

Запомнилась одна фраза Горького, когда он, говоря о Елизавете, произнес: «Это такая женщина, с которой днем делать нечего». Когда обсуждение закончилось, Горький прошелся с нами по дому, посмеиваясь над нелепостями стиля модерн.

Разошлись мы преисполненные впечатлением обая-



ния личности Алексея Максимовича.

Отчет о встрече Горького с вахтанговцами был проиллюстрирован в газете «Советское искусство» моей зарисовкой.

Через несколько месяцев (25 сентября) в торжественной обстановке в Большом театре состоялось празднование 40-летия литературной и общественной деятельности Максима Горького. В этот же день в Театре имени Вахтангова состоялась премьера пьесы А. М. Горького «Егор Булычев и другие». Спектакль вылился в большое этапное театральное событие и на много лет остался одним из лучших театральных представлений столицы.

В первом антракте я пошел за кулисы к Б. В. Щукину, игравшему Булычева, чтобы сделать зарисовки. Борис Васильевич рассказал, как накануне спектакль показывали специально для Горького. Писатель был в зале единственным зрителем. Все очень волновалось, так как постановщик ввел в спектакль сцену-пролог, которой у Горького не было. В прологе светом выхватывалась из темноты то одна фигура, то другая, и каждый персонаж читал отрывки газетных сообщений, вводил как бы в курс событий, предшествовавших пьесе. В середине первого действия артисты вдруг заметили, что Горький вышел из зала. За кулисами заволновались — Горький не стал смотреть спектакль? Катастрофа! Скандал!

На сцене упало настроение. С тревогой доиграли первый акт. Но Алексей Максимович не ушел. Взволнованный огромным впечатлением вдохновенной работы театра, прекрасной игрой актеров, изумительным образом, созданным замечательным актером Б. В. Щукиным, он тихонько вышел из зрительного зала и смотрел спектакль сквозь дверную щель.

В первом же антракте Алексей Максимович быстро вошел в грим-уборную к Щукину, где был и постановщик Б. Е. Захава. Со слезами на глазах Горький протянул вперед дрожащую руку и повторял: «Нет, это не я, это не я, это вы, все вы сделали».

«Егор Булычев» действительно стал лучшим спектаклем Вахтанговского театра.

Э. МОРДМИЛОВИЧ.

Рисунки автора, сделанные с натуры в 1932 году:

А. М. Горький читает пьесу «Егор Булычев и другие» для артистов Театра им. Вахтангова.

Б. В. Щукин — Егор Булычев.